

— На стол! Живее, запрыгивай!

— Ну что, слабо? Не полезешь — я первый буду!

— Свали в туман, Биньбинь! Раз кишка тонка, спрячь свой обрубок и не позорься... Я сам!

Все были в стельку пьяны. Элегантный, тонкий разрез глаз молодого человека изогнулся в хмельной, безумной улыбке, а кончик носа забавно сморщился от смеха.

Этот поразительно красивый мужчина, утирая летящие во все стороны брызги спиртного вперемешку со слюной, хохотал во все горло. Алкоголь лишь разжигал его веселье. Окруженный толпой таких же шальных собутыльников, он практически распластался на стуле, собираясь запрыгнуть на длинный дощатый стол, где вовсю топали и кружились разгоряченные танцовщицы.

Парень, согнувшись, словно гибкий леопард, тянулся к заветным бокалам. Из-под подвернутых штанин дорогих брюк виднелись узкие щиколотки — носков он принципиально не носил. Чуть выступающая косточка лодыжки и тонкие, едва заметные голубоватые вены плавно уходили под ткань, делая бледную кожу стоп странно притягательной.

Его распростертые руки казались невероятно длинными.

Остальные богатенькие бездельники тоже тянули лапы к выпивке, но безуспешно: они то и дело мазали мимо бокалов, установленных в самом центре стола, и лишь пользовались суматохой, чтобы ухватить танцовщиц за ноги. Но молодой господин Пэй был устроен иначе. Его движения отличались поразительной точностью: одним неуловимым взмахом он проскользнул прямо между стройными бедрами цыганки, ничего лишнего не задев, и ловко выудил высокий бокал, до краев наполненный хересом.

— Да у тебя руки загребушие, сука! Дай сюда! — Чжоу Бинь мертвой хваткой вцепился в плечо друга, со смехом пытаясь шлепнуть его по ладони. — И у кого тут кишка тонка? Слышь, ты на чей обрубок намекаешь? А ну колись! У тебя что, вместо пальцев палочки для еды выросли? Ну ты и богомол, чистый богомол!

Вся компания покатилась со смеху.

Пэй И, которого только что окрестили богомолом, утер лицо рукой и расплылся в такой сияющей улыбке, словно перед ними распустился цветок. Он слегка закашлялся, поперхнувшись алкоголем, и его невинный, забавный вид вызывал невольное умиление. Несмотря на всю долговязость, никто не назвал бы его неуклюжим — некоторые люди рождаются настолько красивыми, что любое их движение кажется верхом грации.

— Загребушие лапки, — беззлобно поддел его Биньбинь, силой прижимая к его губам

очередной стакан.

Пэй И осушил обе стопки разом. Хмельная влага брызнула из уголков губ, пачкая грудь; желтовато-белая пена пропитала ткань тонкой рубашки, обнажив влажные контуры кожи.

Это был кабачок в самом сердце лайнера «Призрак Струнной Музыки». Каждую ночь здесь яблочку негде было упасть, и веселье не утихало до самого утра.

Цыганки, поднявшиеся на борт еще в Барселоне, кружились прямо на длинных столах, взметая пышные красно-зеленые юбки. Приглушенный свет дрожал в затуманенных глазах захмелевших гостей. Под тяжелыми шагами доски пола глухо поскрипывали, покачиваясь в такт мерным ударам океанских волн и шальным мыслям публики. Пунцовые губы, страстные взгляды и разнузданные танцы кружили голову...

Подобные заведения так и манили богатеньких сынков, желавших приобщиться к доступной экзотике и развлечься без лишних церемоний, но и для бедняков из трюмов двери не закрывались. Достаточно было подкинуть горсть монет, чтобы поглазеть на красавиц, а то и урвать поцелуй. Из-за этого народу набивалось немерено — публика тут собиралась самая пестрая.

Лайнер казался огромным, но в сущности это была лишь замкнутая коробка посреди океана.

Рано или поздно те, кому суждено встретиться, сталкивались лицом к лицу. Мир тесен, а на воде — тем более.

И притвориться, будто не узнал это лицо, ни у кого бы не вышло.

Две пышнотелые танцовщицы со звонким смехом ухватили Пэй И за руки. Праздник катился к своему пику, и парня вовсю затягивали в пляс.

Тот вяло попытался отмахнуться, но тщетно — на его лице промелькнула почти детская растерянность, и он смущенно опустил ресницы. Куда ему, неопытному, тягаться с прожженными портовыми кокетками? В пару движений его затащили на шаткий стол.

Но стоило ему поднять голову, по-прежнему обезоруживающе улыбаясь, как его взгляд наткнулся на нечто совершенно иное. Метрах в десяти от него сидел Чжан Шаочи. Его глаза, холодные, острые и полные абсолютного, дикого потрясения, вонзились в Пэй И подобно обнаженному клинку, рассекая разгоряченный воздух кабака.

Качались столы, звенели бокалы, палуба уходила из-под ног...

Прошлое хлынуло неудержимым потоком. В тусклом свете ламп оно рассыпалось на тысячи слепящих искр, опутавших сознание Чжан Шаочи. В его глазах мгновенно лопнули сосуды,

окрасив белки багровой сеткой. Казалось, еще секунда — и этот яростный взгляд заставит его глаза истечь кровью.

«Как такое возможно?

Где я?..»

Еще перед тем как войти сюда, Чжан Шаочи приказал проверить списки пассажиров. Более того, его осенило прочесать списки экипажа: от старпома до последнего бармена, музыкантов, кочегаров в трюме и наемных охранников. Он буквально вчитывался в каждую букву, но нужного имени так и не нашел.

Этого человека здесь быть не должно. Не могло.

Но как тогда объяснить все те мелкие нестыковки и улики? На этом грузовом лайнере, под завязку набитом наемниками и оружием, где каждый маршрут просчитан до секунды, кто-то умудрился вскрыть личный портсигар этой сибирской твари — Ильи. Интуиция Чжан Шаочи, закаленная годами опасного бизнеса, так просто не ошибалась. На борту точно находился кто-то знакомый.

Весь день Чжан Шаочи провел в поисках.

Он обошел коридоры, рестораны на верхних палубах, танцпол и прогулочные зоны. Единственное место, куда он не сунулся — зловонные каюты четвертого класса в самом низу, эти четырехместные конуры с двухъярусными койками. В конце концов, не мог же этот человек опуститься до такой нищеты? Там ведь дышать нечем.

И все же в воздухе витал едва уловимый, знакомый до боли шлейф.

Ускользающий, не дающий покоя запах, от которого сердце заходило в бешеном ритме, сводя с ума.

Когда полчаса назад охрану VIP-кают на верхней палубе внезапно удвоили, а в коридорах замелькали новые, крепко сбитые типы с цепкими, налитыми кровью глазами, Шаочи окончательно во всем убедился.

— Какое счастье, что этого Пустынного Медведя тут нет, — прошептал Сюй Жань, судорожно озираясь по сторонам в поисках своего главного кошмара.

Сюй Жань попытался взять босса за руку. Чжан Шаочи с недоумением покосился на этого кокетливого лиса и мягко, но решительно высвободил ладонь. К таким нежностям на людях он так и не привык — не его стиль.

Они заняли глубокий угловой диван в тихой зоне. Шаочи вальяжно раскинул руки, уложив одну на кожаную спинку, собираясь пропустить всего один стаканчик. На кривляния пьяных девиц на столах он даже смотреть не собирался, пока до его слуха не донесся звонкий хруст бьющегося стекла. Пьяная толпа взревела, и на середину стола, пошатнувшись, вскарабкался Пэй И. Вот тогда-то Чжан Шаочи его и увидел.

Лицо Чжан Шаочи превратилось в каменную маску, поза осталась незыблемой, как скала — даже носок лакированной туфли, закинутой на колено, не дрогнул.

Они смотрели друг на друга. Четыре глаза встретились, словно между ними не было ни общего прошлого, ни былых чувств. Взгляды скользнули по лицам и замерли.

Ледяные, темные, как ночная пучина, и лишь багровая сетка на белках выдавала их секундную слабость. Эта внезапная встреча застала его врасплох, не оставив времени возвести защитные барьеры; вся его напускная броня вмиг осыпалась с плеч прахом.

И все же, собрав в кулак всю волю и жизненный опыт, Чжан Шаочи сумел задушить полыхнувший в груди пожар одним укоризненным усилием воли.

— Это еще кто такой? — удивленно спросил Сюй Жань, который обычно подмечал любую деталь, но сейчас явно не узнал парня.

Да и как тут узнаешь? У двух придурков, устроивших пляски на столе, на головах красовались такие дикие, попугайские прически из дешевой парикмахерской, что Чжан Шаочи, как раз сделавший глоток, поперхнулся и брызнул алкоголем, закашлявшись до слез. Какое убожество!

Прикид был идиотским до невозможности, но двигался парень чертовски хорошо. Особенно эти его длинные, невероятно гибкие ноги, выбивавшие лихой ритм.

Пена летела до самого потолка, орошая смеющиеся лица. Парень танцевал профессионально, полностью отбросив былую застенчивость. Его движения становились все более дерзкими, откровенными: он то вплотную прижимался к своей партнерше, то резко отшатывался, увлекая ее за собой, уверенно перехватывая за талию... Бешеный вихрь пестрых юбок, мелькание обнаженных бедер, чистый, первобытный азарт.

Ноги у него были потрясающие. Породистые, длинные.

Когда человек испытывает глубочайшее потрясение, он не орет и не багровеет, как сопляк. Посреди этого пьяного угара и безумного вертепа Чжан Шаочи застыл бездушным изваянием — холодным, отстраненным, хотя в душе у него бушевал девятибалльный шторм.

«Как ты здесь оказался?»

Где тебя носило все эти годы?..»

На верхнем ярусе, в роскошных апартаментах с видом на океан, царила мертвая тишина. Коридор перед дверью охраняли так бдительно, что мимо не проскользнула бы и мышь.

У изголовья кровати Ильи лежал компактный спутниковый терминал в защищенном исполнении. На крошечном жидкокристаллическом экране высвечивались мелкие латинские символы, читать которые было сущим мучением. Однако хозяин каюты, несмотря на свои огромные, мозолистые руки, на удивление проворно набивал ответ, вводя длинный ряд кодов шифрования.

Трое дюжих телохранителей застыли у дверей немymi истуканами. Им было не положено знать, какие депеши приходят их боссу.

«Североафриканская оперативная группа А».

«Смертоносная сигара».

Илья беззвучно, одними губами прочитал текст секретной депеши и оскалился в хищной, довольной улыбке. В его хитрых глазах блеснул торжествующий огонек.

— Ну наконец-то ты клюнула, моя лапочка. Стоило слегка разворошить гнездо, как ты тут же приползла... Маленькая черная змея...

На тумбочке по другую сторону широкого ложа высился роскошный террариум из толстого закаленного стекла. Вентиляционные отдушины по бокам были забраны прочной стальной сеткой, красноречиво свидетельствуя об опасности запертого внутри существа. Под светом ламп стекло отливало благородным антрацитовым глянцем. Внезапное злобное шипение заставило охранников вздрогнуть и синхронно отступить на пару шагов.

Тварь была смертоносной и признавала власть лишь одного человека.

— Цып-цып, моя хорошая... ну же.

Илья шутиливо причмокнул губами, подзывая змею, словно домашнюю собачонку. Внутри стеклянного ящика, поблескивая безупречной черной чешуей, скользила великолепная Черная змея.

— Значит, «Цель Номер Один» — это я? Обо мне печешься?

Он пощелкал пальцами у самого стекла.

— Изголодалась, детка? Ну иди сюда, иди. Укуси меня, давай же, укуси...

Вдруг мужчина резко обернулся.

На самом краю постели, сжавшись в комок и обхватив колени руками, сидел хрупкий золотоволосый юноша в одном лишь белье. Под тяжелым, обещающим скорую расправу взглядом Сережа испуганно вздрогнул. Животный страх погнал его прочь, заставив рвануться к выходу.

Но тяжелая, как гиря, ладонь Ильи мгновенно взметнулась вверх, намертво вцепившись в шелковистые золотые кудри. Сережа истошно, тонко закричал. В ту же секунду змея в террариуме взметнулась во весь рост, раздувая капюшон и замирая в классической боевой стойке. Подобно ленте дорогого сине-черного шелка, она молниеносно бросилась вперед, нанеся удар в стекло!

Охранники дернулись, рефлекторно хватаясь за кобуры, готовые защитить босса от укуса. Куда там — от такого броска не спасла бы никакая реакция.

Однако даже самый ядовитый гад не мог пробить армированный триплекс. Змея упруго отпрянула от прозрачной преграды и, словно повинувшись некому приказу хозяина, плавно скользнула назад, согнувшись кольцом, но продолжая держать высоко поднятую, царственную голову.

Люди в комнате застыли, боясь дышать. Мальчишка, чьи волосы Ильи по-прежнему сжимал в кулаке, крупно дрожал, из его груди вырывались хриплые, судорожные вздохи, будто смертоносные кольца уже сдавили ему горло.

Мужчина, не выпуская изо рта дымящуюся сигару, наклонился над съежившимся телом и небрежно стряхнул столбик серого пепла.

Сережа вскрикнул: горячий пепел вместе с крошечным алым угольком опустился на его нежную грудь, оставив темный след и наполнив комнату характерным запахом прижженной кожи.

— Помоги мне, сладкий. Потуши бычок своими бедрами, и я, так и быть, оставлю тебя в покое на сегодня.

Сережа зашелся в рыданиях:

— Нет! Пожалуйста, нет! А-а-а!..

Когда под вечер телохранители наконец покинули каюту, обливающийся холодным потом мальчишка лежал на боку, свернувшись калачиком; на внутренней стороне его бедра теперь красовался свежий ожог — аккуратный, круглый след, похожий на клеймо. Североафриканский «Пустынный Медведь» с годами явно размяк сердцем. Поговаривали, его прошлому фавориту повезло куда меньше: тому Илья прожег в ноге настоящую дыру, куда потом вставил тлеющую сигару и ждал, пока та не догорит до самого основания.

Мужчина достал из потайного отделения рамки для фотографий свою главную реликвию. Эту вещь он вынес из пекла войны, вытащил собственными руками из горы трупов и оторванных конечностей — единственный уцелевший трофей, напоминавший о пережитом ужасе.

Это была абсолютно черная с обеих сторон игральная карта. На ощупь она напоминала дорогую бархатистую кожу или тяжелый шелк, но на ней не было ни единой надписи, ни одного знака.

Впрочем, слова ей были не нужны. Стоило поднести карту к струящемуся из иллюминатора свету, как на темной поверхности проступал тончайший, искусный рисунок.

Силуэт затаившейся черной мамбы — пугающе прекрасной и беспощадной, высунувшей алое, как кровь, раздвоенное жало.

По самому краю бархатной карточки тянулась изящная надпись, выведенная каллиграфическим почерком: BLACK MAMBA.

Тем временем в кабаке внизу шум стоял такой, что едва не сносило перекрытия. Двое щеголей, наряженных по последней моде китайских вещевых рынков, наконец закончили позориться перед честной публикой. Пэй И, не растеряв напускного благородства, картинно откланялся перед своей партнершей с изяществом истинного джентльмена.

Правда, вся его элегантность мгновенно испарилась, стоило разгоряченной публике начать швырять на стол мятые купюры. Парень без малейшего стыда кинулся собирать деньги, умудрившись выковырять несколько десятков евро буквально из-под пальцев танцовщиц.

Его спутник, молодой господин Чжоу, до такого мародерства опускаться не стал. Вместо этого он широким жестом пихал пачки крупных банкнот прямо в декольте своей партнерши, полностью скрывая под деньгами ее выдающиеся формы. При этом Чжоу Бинь громогласно хвастался:

— Детка, любой твой вырез я засыплю золотом до самых краев!

— Слышь, нищеврод хренов, кончай позориться и ползать на коленях за копейками! — Чжоу

Бинь бесцеремонно стащил Пэй И со стола.

— Свои заработал! Я тут, между прочим, жопой крутил, и очень даже недурно, — проворчал Пэй И, сжимая в кулаке ворох разномастных купюр. — Имею полное право на чайные.

— Ты че, на панели тут подрабатываешь? — Чжоу Бинь притянул его за подбородок и нагло ущипнул за щеку. — Скажи честно, сколько за ночь берешь? Любую твою дырку озолочу.

— Отвали... — огрызнулся Пэй И и резко пихнул собутельника локтем под дых, едва не сбив с его головы дурацкий парик.

Они были классическими собутельниками на час, едва знакомыми друг с другом. Случайно оказались на одном лайнере, прихватили немного наличности, чтобы развлечься, и разговорились просто потому, что обоим было приятно услышать родную речь посреди океана.

Видимо, решив, что его естественная красота недостаточно вызывающая, молодой господин Пэй нацепил сегодня костюм вырвиглазного канареечно-оранжевого цвета.

Этот нелепый, дикий оттенок в сочетании с взъерошенным оранжевым гнездом на голове (парик это был или он реально так покрасился?) заставил Чжан Шаочи мысленно обозвать парня полным психом. Тот выглядел точь-в-точь как облезлый мартовский кот. Подобный шедевр провинциального китча мог спасти только этот безупречный силуэт и смазливое личико — любого другого в таком наряде подняли бы на смех.

Его подельник, Чжоу Бинь, выглядел не лучше: на голове полыхал огненно-красный взрыв, а плечи украшала усыпанная перьями брендовая куртка дикого пунцового цвета. Стоила эта шмотка как крыло самолета, но вкуса владельцу явно не прибавляла — чистый спелый драконий фрукт с магазинного прилавка.

— Ой, а этот, в апельсиновом... до чего же рожа знакомая... Кажется, это тот самый... — наконец осенило Сюй Жаня. Он внезапно понял, что его босс последние пятнадцать минут сверлил взглядом вовсе не аппетитные ляжки танцовщиц.

— Это же старший брат Пэй Яня! Босс Чжан, вы... вы ведь его знаете.

«Знаете» — мягко сказано. В свое время они были очень даже близко знакомы.

Тем временем Пэй И на выгребенную мелочь уже успел заказать еще пару бокалов «Маргариты». Похлопав по пустым карманам, он понял, что на продолжение банкета придется либо грабить бар, либо снова лезть на стол.

Не дожидаясь, пока тот начнет собирать окурки или искать монеты под стульями, Чжан Шаочи хрипло скомандовал Сюй Жаню:

— Тащи его сюда.

— Его?.. — растерялся помощник.

— Пусть пьет здесь, — отрезал Чжан Шаочи. — Нечего ему побираться и клоунаду тут устраивать на потеху толпе. У нас выпивки полно. А если так приспичило поплясать — пусть танцует передо мной. На моем столе.

Сюй Жаня перспектива делить внимание босса с Пэй И совсем не радовала. Общих тем у них не было, да и взаимной симпатией они никогда не отличались.

Младший брат Пэй И, Пэй Янь, считался некоронованным принцем кинокомпании «Цзяхуан» и за последние пару лет взлетел на вершину шоу-бизнеса ярчайшей кометой. Ему удалось повернуть сложный трюк — совместить брутальный образ героя боевиков с амплуа обожаемого фанатами айдола. А стоял за этим триумфом лично Чжан Шаочи, не пожалевший связей и денег ради раскрутки своего «племянника».

Разве мог Сюй Жань хорошо относиться к выскочке, который забирал лучшие контракты и пользовался безграничным доверием босса?

В кулуарах шоу-бизнеса годами шептались, что Чжан Шаочи так нежно опекает этого наглого мальчишку и прощает ему любые капризы исключительно по одной причине: из-за безумной любви к другому члену семьи Пэй — его старшему брату.

<http://bllate.org/book/19434/1939697>